

стианство есть религия, по Бердяеву, не только Бога-Отца, но и Бога-Сына, т.е. религия Богочеловека. Человек создан, чтобы, в свою очередь, стать творцом, но в отличие от Бога человек нуждается в материале для того творить. Но трагедия творчества человека состоит в несоответствии творческого замысла с его осуществлением. Религия, по Бердяеву, есть связь между Богом и человеком. Бог рождается в человеке, и человек рождается в Боге. Бог ждет от человека творческого и свободного ответа. С этим связана тайна Богочеловечества, единства в двойственности. Однако в силу изначальной раздвоенности судьба человека всегда трагична. Нельзя не согласиться с философом Левицким, который охарактеризовал религиозную метафизику Н.А. Бердяева как «бросающую вызов многим традиционным представлениям о Боге». (Левицкий С.А.)

Однако концепция «Богочеловека» направлена против христианского учения о человеке и Боге, где человек – творение Бога, но не есть Бог. Человек у Бердяева существо дуалистическое: тварное и божественное. Это противоречие двух начал – природного или тварного и божественного – сущность их философской антропологии, т.е. Бердяев исходит из диалектического признания единства Бога и человека. Мир божественный и мир земной также едины. Общим является то, что проблема Богочеловека Бердяевым решается в рамках христианского мировоззрения.

Философия Н.А. Бердяева является ценной для современного понимания прав и свобод личности, её верховной ценности.

УДК 316.42

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ «ТЬМА» ПРОСВЕЩЕНИЯ? (После «Сумерек Просвещения» В. В. Розанова)

И.В. Жук
Минск, Беларусь

*«Я хочу раз и навсегда не знать много. –
Мудрость полагает границы также и познанию».*
Фридрих Ницше «Сумерки идолов» [1, с. 558]

Кто же ныне может позволить себе отказаться от Просвещения в «просвещенной Европе» в эпоху всеобщей доступности информации. Под информационным обществом понимают новое состояние постиндустриального социума, в котором, согласно Е. Масуде, информация становится важнейшим ресурсом и основой богатства общества, которое обеспечивается сетевыми синергетическими связями свободно функционирующих локальных сообществ. Базовая ценность технократической цивилизации не меняется: «время – деньги». А поскольку еще и «знание – сила», постольку информационные технологии призваны обеспечить более эффективное воспроизводство богатства и власти. «Техногенный человек» тешит себя тем, что будто бы поймал в сетях Интернета время – «золотую рыбку» плутократии.

Не пора ли сравнить эту «виртуальную утопию» в анотее, с тем, что замысливалось на заре эпохи Модерна как утопия «просвещенной Европы свободных умов». Не все ясно с «сетевой свободой» в рамках «Компьютопии». Информация – значимые сведения, которые могут быть «прочитаны и поняты», и дать некое знание. Однако степень осведомленности будет всякий раз определяться «читабельностью» этой in-formatio, т.е. просвещенность целиком будет зависеть от Редактора, которым задан Формат «даруемого» информационного пакета. Интернет – удобное средство свободного доступа к информации, но делает ли оно свободными вас? В чем состоит такая «свобода»? В иллюзии движения по кодированным потокам желания, по следам Эдипа? В незаметности «И-нет-зависимости»? Ведь улов рыбака зависит не столько от изощренности сети, сколько от притягательности наживки. И с каких пор «мировая паутина» делает вас свободнее, а «глобальная сеть» – раскрепощает? Это, скорее, «свобода лабиринта».

Информация, безусловно, важна для знания-контроля, но не для знания-спасения, в языке Макса Шелера. Упиваясь информационной обеспеченностью, мы рискуем впасть в «информационную беспечность» и тут же столкнемся с проблемой «информационной безопасности и террора». «Небязка побач», – «украинское ухо» может расслышать то, на что ранее указал Хайдеггер: опаснейшее в опасности в том и состоит, что мы беспечно не распознаем ее как опасность. Довольно, господа, твердить об «онтологической безопасности», а не пора уже задуматься над опасностью «информационного фашизма»? Ведь и «фашизоидная тотализация» выростала из fascio – связки-сцепки и сетевой схваченности.

Идея Просвещения, исходя из нехватки света, отсылает к образованию как культивации «человеческого материала» в соответствии с образцами. «Кто ваши учителя?» – вот основной вопрос образования и просвещения. Ибо только тот – Учитель, кто способен хранить, видеть и указывать на образцы, не «подсвечивать» образцы для разума, но помочь увидеть «свечение образа». Поэтому спор о «прогрессирующем регрессе» Просвещения заставляет думать о природе света, о зримости образцов, о различии между искусственным и естественным светом.

Еще в 1784 году Иммануил Кант, отвечая на вопрос «Что такое Просвещение?», трактует его как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [2, с. 27]. Как требование решимости пользоваться собственным умом, сделать собственный шаг «без помочей». Заслуга Канта состоит, во-первых, в том, что он понимает Просвещение как естественноисторический процесс «взрождения человечества», веря, что «люди сами в состоянии выбраться постепенно из невежества, если никто не стремится намеренно удержать их в этом невежестве» [2, с. 33]. Он терпимее к предшествующим эпохам, чем французские просветители. Как мы бываем терпимы к годам своего несовершеннолетия, поскольку это ведь наша «история» и биография. Ведь «отсечением головы» здесь уже ничего не поправить, кроме «воспаленного» чувства мести, в котором и состоит, по прозрению Ф. Ницше, исток нигилизма метафизического мышления и западной культуры в целом.

Отсюда, во-вторых, Кант трактует Просвещение как эволюционный процесс, требующий самостоятельных усилий индивидуумов на пути к свободе духа, т.е. к свободе мысли, совести и действия. Кант подчеркивает, что «посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы» [2, с. 29].

Важно отметить прозорливость «кенигсбергского затворника»: статья опубликована в 1784 году, за девять лет до так называемой «Великой французской революции», которая кровью на парижских мостовых впервые поставила под вопрос не только «идеологию Просвещения», но и саму его идею. Пожалуй, наиболее глубокой и не столь очевидной представляется мысль Канта о «диалектике просвещения»: «Большая степень гражданской свободы имеет, кажется, преимущество перед свободой *духа* народа, однако ставит этой последней непреодолимые преграды. Наоборот, меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможность развернуть все свои способности» [2, с. 34]. Здесь, по Канту, проявляется себя загадочная природа человека, который по своему достоинству всегда есть «нечто большее, чем машина».

Кажется, Кант предугадывает возможность регресса Просвещения, о котором уже в XX веке заявляют Хоркхаймер и Адорно в «Диалектика Просвещения» (1947). Они понимают Просвещение как «программу расколдовывания мира» с целью – «избавить людей от страха и сделать их господами» (ведь такова установка Ф. Бэкона и Р. Декарта, этих «праотцев» Просвещения). Хоркхаймер и Адорно указывают, что уже миф есть Просвещение, а Просвещение порождает свои мифы; что современная культуриндустрия низводит Просвещение до формы «обмана масс». Сегодня их слова звучат как серьезное предупреждение: «Мы несколько не сомневаемся в том, что свобода в обществе неотделима от просвещающего мышления. И, тем не менее, мы полагаем, что нам удалось столь же отчетливо осознать, что понятие именно этого мышления, ничуть не в меньшей степени, чем конкретные исторические формы, институты общества, с которыми оно неразрывно сплетено, уже содержит зародыш того регресса, который сегодня наблюдается повсюду. Если Просвещение не вбирает рефлексию этого возвратного момента в себя, оно выносит самому себе приговор» [3, с. 11].

Но еще на пороге XX столетия В. В. Розанов распознает эту угрозу. В «Сумерках Просвещения» (1899) он «видит» среди просвещенных народов целые поколения молодых людей «с потухшим взглядом». Безразлично они взирают на свою эпоху и другие культуры. Подобно Сизифу, бессмысленно влачат они свой камень, движимые, пожалуй, лишь успешностью собственного успеха. Причину этого Розанов видит в переходе к общественному образованию, которое усредняет и «тотализует» личность, гасит «искру Божью» в ребенке. Словно кто-то искусной рукой, рассуждает Розанов, «оскопил целые поколения» [4, с. 5]. Опыт по выведению искусственного человека, – *Homunculus*'а, – удался, но не Парацельсу в колбе, а французским просветителям. Прежде всего, Ж.-Ж. Руссо, который «выпестовал» своего Эмиля, как идеальное орудие идеального же «общественного договора». (Своих детей, между прочим, отправив в приют «для пользы общественно-государственного воспитания».)

Великий Декарт, говоря о «естественном свете разума», понимал его как божественный дар: ответственность мыслящего вытекает из готовности принять этот дар, взять на себя и «держать мысль», по Мамардашвили. Тому ли учат «великие Просветители» Европы? Это они принесли «свет знания» и сделали вас свободными, эти мастера светотехники? «*Tabula rasa*» – идеальное место для «свободных (от чего и для чего?) умов», «загружай» что хочешь. Вот вам и «новая раса» беспамятных и «для всего» готовых, т.е. всеядных. «Мы дикие звери, голосим, как умеем. // Все заперты двери, мы открыть их не смеем». А вы говорите: «Назад – к природе!»

А эта нарочитая озабоченность «гражданскими свободами? – «Вы действительно готовы умереть за мое право думать и говорить иначе?» – Однако, сударь, умирали, как правило, другие. «Гильотина – лучшее средство от головной боли». И – орудие «вы-равенства»? – Ваши «свобода, равенство и братство», гражданин, потребны, прежде всего, для рынка. «Война всех против всех» каким-то чудесным образом приведет к общественной пользе? И начинается эпоха борьбы мировоззрений, т.е. эпоха борьбы за умы, поскольку практики господства над телом уже не достаточно эффективны. Навязчивая риторика «общественной пользы» забалтывает то, что глубинные основания «общности общества» стерты. Утрачены сакральные, как говорит В.С. Соловьев, «абсолютные начала нравственности». Разве случайно в «Энциклопедии» Дидро в рубрике «Нравственность» указано только: См. Этика, а в статье «Этика» – См. Нравственность. Это удачная шутка, но она – сродни иронии судьбы. Любая этика покоится на авторитете – предания, откровения. Но какие авторитеты, когда гильотина никогда «не устает сомневаться». И потому остается только – этика целесообразности, этика прагматически понятого успеха.

Оборотная сторона – некое «болезненное» богоборчество, врожденное недоверие. Удивительно ли, что после учителей радикального сомнения приходят учителя «великого подозрения»? Ведь в сумерках, даже подсвеченных фонарями просветителей, невольно растет подозрительность. За ними приходят, разумеется, магистры упаковки и технологи раскрутки, начинается эпоха «философии марчедайзинга» – «философии искусства успешных продаж». И вы всерьез называете это «свободомыслием» и «свободой совести»? Какую же «весть» несет подобная «совесть»? – «Человек – машина»? Поскольку машиной легко управлять. Представьте себе этику «человека-машины» и ее максимы: «не заржавеет», «будь пневматичнее», «будь готов подключиться к сети»!?? Жуткое пророчество: свобода, равенство и братство «человеко-орудий». Но разве кто-нибудь из них учил: «Следуйте своим путем»? – Нет, читайте «Энциклопедию», просвещайтесь понемногу и следуйте за нами. На баррикады!!! И зазвучало тысячеголосое в сети и в эфире: «Делай, как я! Думай, как я! Люби, как я!»

Но и Розанову понадобилось время, чтобы в «Апокалипсисе нашего времени» (1919) написать об ответственности интеллигенции за «окаянные дни». «Вот и Достоевский... Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и «Война и мир». Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили» [5, с. 7]. – А Соловьев, Трубецкие, Булгаков, Флоренский, Бердяев, Шестов, Федотов, Лосский?.. Вы замечательно говорите о «востребованности отечественной философской мысли!» Но готовы ли мы соответствовать нашей традиции, т.е. «ответствовать» этой мысли и разделить ее «ответственность»? Или забыты уже даже ее «вопросы» и стиль?? – Быть может, нам необходимы «Иные Вехи»??? Но разве сможем мы принадлежать не то, чтобы будущему, но хотя бы соответствовать тому, что было, если на форзац «Своей Книги» станем выносить цитату из хайдеггеровского «Поворота» безо всяких ссылок? Вряд ли Хайдеггер ожидал *такого* «поворота», и говорил о *таком* «прозрении в то, что есть». Или вновь безвольно предадимся искушению примерять чужие «шапки-обманки»? «Одномерный человек». – Да нет же, «много-многомерный человек!» – Или вот еще – «иномерный»!! – Однако, человек ли?!? И какая же, позвольте, иномерность в «глобальной деревне» под недремлющим «Оком антропометрии»: «Раньше вы гуляли без присмотра, теперь у вас появилось право гулять под присмотром»?

Вот и получается, господа, что, позабыв мЭфспн, безмерно преодолевая всяческие границы, мы чрезмерно колеблемся в регионах «пограничья» в наше смутное время между повседневностью быта и какой-то «сию-бытностью». Не ведая «места своего и языка». – «Язык, допустим, не проблема. Это же только «знаковая система», продукт игры в «семиозисе», кто станет спорить? Забудьте!... А на счет места, это вы сильно сказали. Как будто бы у греков с местом более ясно, чем с мерой. Разве что вы имсете в виду «правило золотого отсечения»? – Да, на гребне информационной волны у нас у всех проблемы со своим местом и своей идентичностью... Все вдруг ее хватились, ан опять – «нехватка»! – «Далась вам эта ай-дентичность? Функционируйте, гражданин, функционируйте! Или вы не знаете «как философствуют сканером»? – Да, но как же со своей ответственностью и как «ответствовать»? Или это уже «чья-то» ответственность? (Таковы «особенности национальной рыбалки»? Такова, увы, специфика отечественной мыслительной традиции?) Ой ли???

«Над Москвой (чи Днепром?) рассвет зеленый встает, // По мосту идет оранжевый кот! // И лоточник у метро продает // Апельсины цвета беж...». Держатели штаммов штампуют шеренги шагающих шумно к победе! Значит, прав был профессор: вот торжество эстетического на Майдане. «Аистезис» работает с поверхностью, касается чувств, потому легко «заводит» коллективное тело. Что же откровеннее, и в этом смысле, поверхностнее поверхности? «Креаторы» клонов куют свой успех неуклонно! И вот мы «чуем» под рокот «тамтамов Майдана»: «Пора! Пора!». Но едва ли слышим: «Покою сердце просит...» «Грузите апельсины бочками» – Здесь-таки были Ося и Киса!!! А как же – «десятью хлебами и тремя рыбами»? И «купола оранжевые» у Софии Киевской?!!... Апофеоз просвещенной «культуры БигМака».

«Все это эпигонство эпигонов!» – с досадой скажет сокрушенный друг-читатель, и, быть может, рискнет повторить этот неопишесмый жест в «Сумерках идолов»: «Я хочу раз и навсегда *не* знать много ...». Или вот еще до Ницше сказано: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Только способен ли еще осведомленный человек новой формации – homo virtualis – человек информационного общества, различить высокое и низкое, сакральное и профанное? Ведь для этого нужна перспектива. Кто же задаст ее в сети И-нета? – «Живописцы, окуните ваши кисти...» – Увы, Image Web Page Creator, и непременно через «трижды дабл ю»!

Вспоминают, иногда с восхищением, последние слова Вольтера на смертном одре: «Дайте больше света». Значит, что он, возможно, не заслужил света? Ведь исходной интуицией идеологии просвещения могло быть только представление о мраке мира, об изначальности тьмы – «в нея же и возвратяся». Да и заслужил ли покой? «Мы на горе всем Платонам, мировой пожар раздуем!» Не из звуков ли ада эти «песни вольнодумья»?

Разумеется, «пещера» стала более освещенной, тени – отчетливой, иллюминация – ярче. Иллюзии – все подобное «паттернам» и, тем самым, симулятивное. «Пещерка» стала, более сплетенной, глобально связанной, и, похоже, – более тесной? Но платоновский эрос, как стремление к сиятельнейшей идее, как экстазис души к Единому, в языке неоплатоников, – как-то незаметно «увядает» в эпоху глобального господства симулякров и «контрацептивов мысли».

Страшное видение... Сидят люди, вроде и не привязаны к столбам, но, сплетенные «мировой паутиной», уже не могут и не хотят повернуть головы: лицом к «интерфейсу» – лица не увидеть. Только вокруг неестественный голубоватый отсвет. «Люди лунного света?» – вспомнилось вдруг. Зеркала, отра-

женное свечение зеркал «глобальной сети»... Упиваясь доступностью информации, или сокрушаясь «просвещенному варварству», мы все же недостаточно думаем о природе света, о зримости образов, о просвете (в языке Хайдеггера), о связи просвещенности и освященности мира. Вы говорите: «Дайте больше света». – «Так вам огня мало?» И, возможно, прозвучит в ответ: «Дайте место свету в сердце вашем... И тогда обретете землю свою, когда воссияет небо над головами вашими и освятится земля ваша...».

Список литературы

1. Ницше Ф. Сумерки идолов // Соч. в 2-х тт. Т. 2. – М.: 1990.
2. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч.: В 6 тт. – М.: 1963 – 1966. – С. 27–35.
3. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты // Пер. с нем. М. Кузнецова. – М. – СПб.: 1997.
4. Розанов В.В. Сумерки Просвещения. – М.: 1998.
5. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А.П. Николюкина. – М.: 2000.

УДК 165.12

ЗДАТНІСТЬ ДУХОВНОГО ПІЗНАННЯ В ФІЛОСОФСЬКИХ КОНЦЕПЦІЯХ П. ЮРКЕВИЧА ТА М. БЕРДЯЄВА

К.О. Дубровіна
Київ, Україна

Філософію завжди цікавило: чи є щось поза межами наших відчуттів і нашого розуму? Чи є людина носієм чогось незвіданого і нескінченного? І в усі часи філософи намагались дати відповідь на ці важливі питання. Ми спробували подивитись на цю проблему з точки зору двох видатних філософів П.Юркевича та М.Бердяєва, та знайти спільне підґрунтя їх філософських концепцій.

Людина наділена не лише відчуттями і розумом, але і як би особливим «органом» внутрішнього осягнення, яке розкриває перед ним сутність буття в безпосередньому акті інтуїції.

Одних лише рецепторів і логічного аналізу не досить для того, щоб зрозуміти великі витвори мистецтва. Навіть в сфері точних наук інтуїтивне передбачення переважає ланці строгої аргументації. Згадаємо, що багато наукових відкриттів з'явилися їх творцям, як миттєві інтуїтивні осяння, які лише з часом обґрунтовувались фактами і логікою.

Інтуїція, натхнення, – стверджував В.І.Вернадський, видатний російський вчений, – основа великих наукових відкриттів, що в подальшому спираються на факти і йдуть строго логічним шляхом, – їх не можна викликати ні науковою, ні логічною думкою і не пов'язані вони із словом і поняттям у свій генезі.

Головна особливість інтуїтивного пізнання полягає в тому, що воно дає тому, хто пізнає можливість доторкнутись до таємниць буття. Природньо, що